

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ
Социальная структура, социальные институты и процессы.
Политическая социология
CHANGING SOCIETY
Social Structure. Social Institutions and Processes

Научная статья

Социологические науки

УДК 378.4

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-164-174](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-164-174)

Центральная Азия как макрорегион в свете образовательных программ ФРГ: региональные доминанты изучения

Елена Алексеевна Кузьменко ✉

Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, Москва, Россия

ea.kuzmenko@igsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>

Аннотация. Статья посвящена выявлению политико-географического понимания границ макрорегиона Центральной Азии через анализ программ высшего образования университетов Германии. В последние два десятилетия ФРГ активно наращивает свое экономическое присутствие в данном регионе. С конца XX в. правительство Германии предпринимает систематические усилия по привлечению иностранных учащихся и укреплению репутации университетов Германии как ведущих научно-образовательных центров. В ходе анализа гуманитарных образовательных программ по изучению Центральной Азии шкала приоритетности выстраивается следующим образом: Тибет и Монголия; Китай как часть макрорегиона Центральной Азии; Иран и Афганистан; Центральная Азия / СНГ; страны Южного Кавказа. В филологических программах направления «Тюркология» повсеместно доминирует Турция с фрагментарным появлением стран Центральной Азии / СНГ. В ходе рассмотрения технических образовательных программ конфигурация макрорегиона изменила параметры: в технических программах под странами Центральной Азии понимаются в первую очередь постсоветские страны, а также Иран. Данные программы разработаны с

точки зрения потенциальных инвестиций в высокотехнологические отрасли – поэтому и проекты, и программы носят государственный характер. Ориентация на экономическую дипломатию в отношении постсоветских стран Центральной Азии отражает переход от дипломатии демократического прогресса к дипломатии экономической суверенизации стран макрорегиона.

Ключевые слова: высшее образование, магистратура, университеты Германии, Центральная Азия, СНГ

Для цитирования: Кузьменко Е.А. Центральная Азия как макрорегион в свете образовательных программ ФРГ: региональные доминанты изучения // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4(10). С. 164-174, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-164-174](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-164-174)

Original article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-164-174](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-164-174)

Central Asia as a Macro-Region in the Germany Educational Programs: Regional Study Dominants.

Elena A. Kuzmenko ✉

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia
ea.kuzmenko@igsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>

Abstract. The article is devoted to identifying the political and geographical interpretation of the boundaries of the Central Asia macro-region through an analysis of higher education programs at German universities. Over the past two decades, Germany has been actively increasing its economic presence in this region. Since the end of the twentieth century, the German government has made systematic efforts to attract foreign students and strengthen the reputation of German universities as leading research and education centers. Analyzing humanitarian educational programs for the study of Central Asia, the priority scale is built as follows: Tibet and Mongolia; China as a part of the Central Asian macro-region; Iran and Afghanistan; Central Asia CIS; countries of the South Caucasus. In philological programs Turkey dominates, with the fragmentary appearance of Central Asian CIS countries. In technical educational programs, the configuration of the macro-region changed the parameters: they include, first of all, post-Soviet countries, as well as Iran, the countries of Central Asia. These programs are developed from the point of view of potential investments in technology industries - therefore, both projects and programs are country-specific. The focus on economic diplomacy in relation to the post-Soviet countries of Central Asia reflects the transition from the diplomacy of democratic progress to the diplomacy of economic sovereignty of the countries of the macro-region.

Keywords: higher education, master's degree, universities in Germany, Central Asia, CIS

For citation: Kuzmenko E.A. Central Asia as a Macro-Region in the Germany Educational Programs: Regional Study Dominants. Russia & World: Scientific Dialogue. 2023; 4(10): 164-174, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-164-174](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-164-174)

Введение

В современных общественно-гуманитарных науках политическое и географическое районирование зачастую не совпадают, строго географические понятия для определения регионов редко используются в междисциплинарных исследованиях [3]. Очевидным примером такого несовпадения является термин «Западная Европа», политическое и географическое наполнение которого существенно различается. Данная статья посвящена выявлению политико-географического понимания границ макрорегиона Центральной Азии через анализ программ высшего образования университетов Германии. В последние два десятилетия ФРГ активно наращивает свое экономическое присутствие в Центральной Азии, используя как собственно экономические, так и образовательные, культурные, экологические рычаги: инвестиционные и образовательные программы Германского энергетического агентства (Dena), немецкие проекты Азиатского банка развития (ADB), проекты Германской службы академических обменов (DAAD), инициативы Германского общества международного сотрудничества (GIZ) становятся платформой для расширения влияния Германии в Центральной Азии, популяризации крупных немецких компаний, обеспечения для Германии репутации покровительницы социально ответственного бизнеса, а также составления серьезной конкуренции России и Китаю в политической и экономической сферах.

Уже с конца 1990-х гг. федеральное правительство Германии было обеспокоено низким уровнем заинтересованности иностранных абитуриентов в программах высшего образования ФРГ. В совместном заявлении в 1996 г. вице-канцлера и министра иностранных дел Германии Клауса Кинкеля и министра образования, науки, исследований и технологий Юргена Рюттгерса была сформулирована следующая позиция Германии: «Федеративная Республика Германии имеет прямую заинтересованность в обучении высококвалифицированных кадров среди иностранных учащихся в высших учебных заведениях Германии. Обучение зарубежных студентов является инвестицией в будущее экономическое и научное сотрудничество Германии в самых разных уголках мира» [6, s. 15]. Поставленная задача по привлечению иностранных абитуриентов и конкурированию на рынке высшего образования с крупными вузами США и Великобритании, по сути, дала старт Болонскому процессу в Германии, в подзадачи которого входило уменьшение сроков обучения и сужение специализаций в соответствии с запросами экономики [7, s. 97-98]. Уже в начале 2000-х гг. немецкие исследователи отмечали возрастающую конкуренцию высших школ Германии не только с зарубежными вузами, но и между собой [5, s. 275], приводящую к частичному дублированию образовательных программ.

Интерес к программам высшего образования Германии (в первую очередь – к программам магистратуры) как взгляду на регион «извне» обусловлен тем, что образовательные программы являются носителем профессиональных стандартов, стержнем, формирующим представления о той или иной сфере (в данном случае – о Центральной Азии как макрорегионе). Именно эти стандарты задают дальнейший

исследовательский вектор, а также отражают запросы потенциальных работодателей в отношении приобретаемых учащимися компетенций и, соответственно, определяют карьерные устремления выпускников. Образовательные программы формируют базовое понимание молодых специалистов о географических и культурных рамках макрорегиона и определяют последующую профессиональную деятельность тех выпускников, которые не стали продолжать академический научный путь, и это понимание транслируется ими в дальнейшем в рабочем и личном кругу.

Цель данной статьи – выявить границы политико-географического понимания Центральной Азии в программах высшего образования Германии. В качестве гипотезы исследования выступает тезис о том, что самоидентификация таких стран, как Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан с Центральной Азией не означает их автоматической идентификации с этим регионом с внешнего – немецкого и, вероятно, европейского – ракурса. Сразу оговорюсь, что в задачи статьи не входило прослеживание влияния филиалов немецких университетов или партнерских высших школ в странах Центральной Азии (например, Казахстанско-немецкого университета в Алматы, посредством которого МИД Германии поддерживает развитие немецко-казахстанских связей через DAAD).

Материалы и методы

В основе эмпирической базы исследования лежат магистерские программы, так или иначе направленные на изучение Центральной Азии. В поле зрения статьи вошли программы нескольких немецких университетов и швейцарского Берна. В ходе анализа пятнадцати программ особое внимание уделялось отражению в их наименовании, содержании и требованиях к поступающим представлений о Центральной Азии. Анализ строился на принципах сопоставления географических, культурных, лингвистических и политических детерминант региона.

Для удобства и репрезентативности программы можно разделить на два вида: 1) условно-гуманитарные (культурологические, этнологические, лингвистические, исторические, экономические, мультидисциплинарные – они представляют собой большинство программ); 2) технические (инженерные, географические, энергетические, климатические). На примерах этих программ рассмотрим, как флуктуируют представления о регионе Центральной Азии в зависимости от принадлежности к этим направлениям.

Результаты исследования

Логичным будет начать с крупных междисциплинарных программ с обобщенным названием «Центральноазиатские исследования» – например, программы

«Zentralasien Studien» в Берлинском университете имени Гумбольдта¹, ориентированной на этнологию, историю, политику и культуру Центральной Азии. В рамках этой программы предлагается следующее районирование макрорегиона и, следовательно, приоритетные направления специализации: Тибет, Монголия, Синьцзян-Уйгурский район, Центральная Азия / СНГ, Афганистан, Кавказ. Из этого следует, что с позиции гумбольдтовского учебного плана Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан фактически не рассматриваются как отдельные акторы. Несмотря на сложный внутрирегиональный контекст и существующие между данными странами острые конкурентные отношения, в рамках программы по Центральной Азии они продолжают восприниматься как единое пространство, причем объединяющим элементом становится принадлежность к СНГ и вхождение, таким образом, в сферу интересов и влияния России. Продолжая развивать мысль о зонах интересов, отмечу, что в той же программе страны Центральной Азии / СНГ позиционируются как зона соревновательного взаимодействия КНР и РФ, в связи с чем немецкая позиция в регионе сталкивается с обстановкой соперничества данных политических игроков.

Один из основных акцентов данной программы – культурные идентичности, которые я склонна интерпретировать как большие нарративы о содержании национальных особенностей, традиций, выраженных в языке, ритуалах поведения, культурных и общественных предпочтениях. Тематика выстраивания идентичностей актуальна для стран Центральной Азии, но как раз в аспекте десоветизации, что находит отражение в районировании лишь косвенно.

Культурологически ориентированной является программа «Культурология Центральной Азии», учрежденная факультетом философии и истории Бернского университета². В контексте определения региональных доминант будет уместно привести цитату из анонса образовательной программы: «Изучение Центральной Азии будет сосредоточено на буддийских культурах региона. В рамках программы студенты осваивают знания по социальной, культурной и религиозной истории Тибета и Монголии». Лингвистическая подготовка учащихся идет в направлении освоения тибетского или уйгуро-монгольского языков. В качестве второго языка предлагаются китайский, персидский и узбекский. Особо отметим, что в качестве необходимого языка науки к обучающимся предъявляется требование владеть русским языком на уровне чтения и перевода научной литературы, так как заслуги отечественной науки в изучении региона признаются бесспорными. Отдельно такие страны, как Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, в программе «Культурология Центральной Азии» не фигурируют вовсе.

Дополнительным аргументом к тому промежуточному выводу, что с угла зрения германских университетов конфигурация Центральной Азии выглядит не-

1 M.A.Zentralasien-Studien. URL: <https://www.iaaw.hu-berlin.de/de/studium/ma/institut/za>.

2 Master Zentralasiatische Kulturwissenschaft. URL: https://www.philhist.unibe.ch/studium/studienprogramme/master_zentralasiatische_kulturwissenschaft/index_ger.html.

сколько иначе, чем с привычного в России ракурса, приведем в пример крупнейший университет Баварии – Мюнхенский университет имени Людвига и Максимилиана. Самостоятельной программы по Центральной Азии в нем вовсе нет, однако это не значит, что желающие не имеют никакого доступа к базовым знаниям в этой области. Исследования по Центральной Азии значатся третьим смысловым пунктом в содержании программы «Синология / китаистика», при этом внимание уделяется преимущественно археологии и искусству региона Центральной Азии. Основной упор в программе, естественно, делается на изучении истории, политики и общества Китая.

Скучно изучаются страны Центральной Азии и в тюркологических программах, несмотря на принадлежность казахского, кыргызского, туркменского, узбекского языков к данной языковой семье. Подавляющее большинство программ «Тюркология» имеет в качестве объекта своего исследования язык, литературу и культуру Османской империи и современной Турции. Безусловно, в Германии, на территории которой проживает около 1,34 млн граждан Турции (количество граждан Германии турецкого происхождения на порядок больше), турецкий вопрос имеет особую специфику и актуальность. Отметим программу «Тюркология и центральноазиатские исследования» Геттингенского университета имени Георга Августа³: она ориентирована в первую очередь на современный турецкий язык, языки стран Центральной Азии указаны только как Grundkenntnisse («базовые знания»).

Свободный университет Берлина имеет следующую структуру магистерской программы «Османистика и тюркология»⁴: историко-социальная научная теория и методология для тюркологов; основные темы истории Османской империи от ее начала до начала XIX в.; языки и культура Османской империи; Османская империя и Турецкая Республика. Не существенно отличается содержанием программа «Тюркология» Бамбергского университета⁵ – охват только Османской империи и Турецкой Республики.

Реже встречаются программы по тюркологии, вписанные в более широкие культурные и географические рамки. Например, Гисенский университет имени Юстуса Либиха в рамках программы «Тюркология»⁶ предлагает как область исследования современный турецкий язык и культуру (в том числе – узус турецкого языка в Германии), а также направления работы в области тюркских языков и тюркоязычных культур Советского Союза и его государств-преемников. На тех же реалиях стоит Майнцский университет имени Иоганна Гутенберга⁷, который, во-первых, учредил программу по тюркологии в Институте славянских, тюркских и циркумбалтийских исследований, а во-вторых, указывает в содержании курса «Тюркология» языки, ли-

3 Seminar für Turkologie und Zentralasienkunde. URL: <https://www.uni-goettingen.de/de/60858.html>.

4 Osmonistik und Turkologie. URL: <https://www.geschkult.fu-berlin.de/e/turkologie/index.html>.

5 Lehrstuhl für Turkologie (Türkische Sprache, Geschichte und Kultur). URL: <https://www.uni-bamberg.de/turkologie/>.

6 Turkologie. URL: <https://www.uni-giessen.de/de/fbz/fb04/institute/turkologie/turk>.

7 Turkologie. URL: <https://www.turkologie.uni-mainz.de/>.

тературу, культуру и историю разных тюркских народов в прошлом и настоящем. Помимо турецкого языка и его предшественника, османского, предметом программы также являются языки и культуры других тюркских народов – от Центральной Европы через Ближний Восток, Среднюю Азию и Россию до Китая и Монголии. Кроме того, тюркология также занимается турецкими мигрантами за пределами этих регионов. Подчеркнем, что и в данной программе турецкая культура и язык в современной Германии дисциплинарно выделены.

Следовательно, по гуманитарным программам изучения Центральной Азии шкала приоритетности выстраивается следующим образом: Тибет и Монголия – 1; Китай как часть макрорегиона Центральной Азии (напомним, что по китаистике есть самостоятельные программы) – 2; Иран и Афганистан – 3; Центральная Азия / СНГ – 4; Южный Кавказ – 5. В филологических программах направления «Тюркология» абсолютной доминантой изучения является Турция, а тюркоязычные страны Центральной Азии снова фигурируют либо в связке с пространством СНГ, либо еще шире – как все тюркские народы России и постсоветского пространства.

Перейдем ко второму виду программ высшего образования – техническим. В технических программах акцентуация иная, в них под странами Центральной Азии понимаются в первую очередь постсоветские страны: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан; также фигурирует Иран. Кроме того, государства в данных программах более персонифицированы (в отличие от гуманитарных программ, где они преимущественно обозначаются как «страны СНГ»), и каждая выступает как объект приложения инвестиций и современных технологических решений в smart-сфере. Такой интерес имеет и политическую основу. Так, например, Федеральное министерство науки и образования ФРГ в мае 2023 г. подписало совместную декларацию о намерениях с Министерством высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан о сотрудничестве в области науки, исследований и инноваций, которая основана на декларации о намерениях немецко-узбекского партнерства в области инноваций, подписанной в 2019 г. Основопологающие рамки сотрудничества формирует стратегия ЕС в Центральной Азии «Новые возможности для более сильного партнерства»⁸, в разработке и пересмотре которой в 2019 г. Германия сыграла ключевую роль. Федеральное министерство науки и образования также определило системообразующие пункты партнерства:

- землеустройство и сельское хозяйство;
- климатические / экологические исследования и адаптация к изменению климата;
- вода;
- природные риски и гражданская безопасность;
- устойчивое городское развитие;
- исследования биоразнообразия;

⁸ The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership. Joint Communication To The European Parliament And The Council. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint-communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf.

- биоэкономические исследования;
- безопасная, чистая и эффективная энергия;
- здоровье и медицина.

Именно в рамках этой повестки формирует свои программы Берлинский технический университет, реализующий также специальный проект «Исследование устойчивой мобильности в Центральной Азии»⁹, где под Центральной Азией понимается Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Иран. Университет организует и курирует летние школы, тематические и административные семинары, исследовательские визиты и публикации по трем основным темам: 1) землепользование / транспорт, комплексное транспортное планирование; 2) зеленая мобильность; 3) транспортная политика и экономические вопросы. Причем потенциальной аудиторией таких семинаров и мероприятий является высшее чиновничество указанных республик. Та же парадигма восприятия наблюдается в образовательных направлениях Университета Пассау, который именует Казахстан и Узбекистан новым перспективным направлением для немецких компаний¹⁰, особенно в области добычи сырья, автомобилестроения, фармацевтики.

Свободный университет Берлина, в свою очередь, реализовывал междисциплинарную магистерскую программу «Интегрированное управление водными ресурсами для Центральной Азии» (программа приостановлена на данный момент), в качестве цели которой заявлено предотвращение экологических, социально-экономических и правовых конфликтов при эксплуатации водных ресурсов. Как объекты изучения фигурируют Казахстан, Узбекистан, Таджикистан. Безусловно, это также политически ориентированная программа, которая также интересна тем, что высвечивает интересы и возможности стран Центральной Азии в части контроля над запасами пресной воды по отдельности, а не как монолитного макрорегиона. Тематика «водных войн» особенно актуальна для постсоветских стран, водная инфраструктура которых имеет советское происхождение и эксплуатирование которой задумывалось в реалиях единого государства.

Обсуждение

Таким образом, программы высшего образования Германии ориентированы на интересы политики ФРГ и ее бизнеса: именно они формируют региональные доминанты и интересы абитуриентов магистерских программ. С точки зрения культурно-политического районирования страны Центральной Азии продолжают восприниматься либо в парадигме СНГ (также и в тюркологических программах), либо как субъекты межгосударственных, межрелигиозных, межэтнических отно-

⁹ SUMRICA – Sustainable Urban Mobility Research in Central Asia. URL: <https://www.tu.berlin/ztg/forschung/projekte/laufende-projekte/sumrica>.

¹⁰ Ost-Ausschuss der Deutschen Wirtschaft: Zentralasien – neue Destination für deutsche Unternehmen? URL: <https://www.uni-passau.de/veranstaltungskalender/detail/event/ost-ausschuss-der-deutschen-wirtschaft-zentralasien-neue-destination-fuer-deutsche-unternehmen-osteuropa-lounge-1>.

шений в контексте большой Средней Азии. Страны Центральной Азии также входят в исследовательское поле Германского общества по изучению Восточной Европы (Osteuropakunde), границы которой понимаются следующим образом: с запада на восток – это Центральная Европа – Восточная Европа – Россия, с севера на юг – это Европейская Арктика, страны Балтии, страны Кавказа, Центральная Азия.

Технические программы высшего образования более пристальны в своем внимании к собственно Центральной Азии в российском понимании, самоидентификации стран региона и ее региональным контекстам. Данные программы разработаны с точки зрения потенциальных инвестиций в технологических отраслях, поэтому и проекты, и программы могут носить более адресный характер. Тем не менее бизнес-интересы чаще реализуются через отдельные проекты в рамках научных направлений, а не через создание узкоспециальных образовательных программ. Ориентация на продвижение экономических партнерств в конкретных сферах, ставка на экономическую дипломатию отражают сдвиг от дипломатии демократического прогресса [1, с. 198-201], доминирующую роль в которой играли нарративы отсталости и авторитарности постсоветских стран Центральной Азии, к дипломатии суверенизации этих стран, подчеркивания независимости как важнейшей ценности (достижение экономической, энергетической независимости от других крупных игроков региона – России и Китая). Нацеленность программ на привлечение абитуриентов, в том числе из самих стран Центральной Азии / СНГ, говорит о политической заинтересованности Германии в формировании потенциально дружественных научно-технологических коммуникаций с данными странами, так как выпускники по возвращении окажут положительное влияние на управляемость коммуникаций в сфере продвижения немецких технологических и иных научных проектов в данных странах [2].

Выводы

Изучение германских магистерских программ по Центральной Азии частично подтверждают гипотезу статьи, что Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан идентифицируются с макрорегионом Центральной Азии преимущественно с экономико-технологической точки зрения. С культурно-политического ракурса данные страны объединяются по признаку принадлежности к постсоветскому пространству и не дифференцируются. Исследование показывает ведущую роль историко-политического аспекта в выстраивании идентификаций с регионом и второстепенное значение природно-географических ориентиров. Определение исследовательских контуров в учебных программах формирует пространственную и идеологическую парадигму мышления учащихся в отношении исследуемого региона – Центральной Азии. Карьерные возможности выпускников таких программ в повседневной работе (как научной, так и внеакадемической) определены интересами бизнеса и задачами внешней политики ФРГ; и бизнес, и внешняя политика имеют конкретные проекты, стратегии или целевые программы. Таким образом, автономность

и независимость учебного процесса и дальнейшей научной и практической деятельности выпускников и молодых ученых оказываются эфемерными.

Список источников

1. Зонова Т.В. Дипломатия. Модели, формы, методы [Diplomacy. Models, forms, methods]. М., 2013.
2. Комлева В.В. Управляемость страновых коммуникационных режимов [The Manageability of Country Communication Regimes. Communicology] // Коммуникология. 2022. Том 10. № 1. С. 139-154. DOI 10.21453/2311-30652022-10-1-139-154.
3. Baker K.M., Chapman G.P. The Changing Geography of Asia. London, 2002.
4. The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership. Joint Communication To The European Parliament And The Council. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf.
5. Esdar W., Gorges J., Wild E. Karriere, Konkurrenz und Kompetenzen. Arbeitszeit und multiple Ziele des wissenschaftlichen Nachwuchses [Career, competition and skills. Working hours and multiple goals of young scientists] // Die Hochschule: Journal für Wissenschaft und Bildung. 21 (2012) 2, S. 273-290.
6. Schumann A. Die Internationalisierung der Deutschen Hochschulen: Entwicklungen und Probleme [The internationalization of German universities: developments and problems] // Mehrsprachigkeit und Multikulturalität im Studium / Hrsg. von Knapp A., Schumann A. Frankfurt am Main, 2008. S. 15-29.
7. Weber H. Bachelor und Master – Neue Konkurrenz für das duale System? [Bachelor and Master – New competition for the dual system?] // Zukunft der dualen Berufsausbildung – Wettbewerb der Bildungsgänge. Schriften zur Berufsbildungsforschung der Arbeitsgemeinschaft Berufsbildungsforschungsnetz (AG BFN) / Hrsg. H. Dietrich, E. Severing. Bonn, 2007. S. 97-130.

Информация об авторе

КУЗЬМЕНКО Елена Алексеевна. Кандидат исторических наук. Доцент кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, SPIN-код: 3078-1553, Author ID: 773498. <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>. Адрес: Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1, ea.kuzmenko@igsu.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 октября 2023. Одобрена после рецензирования: 2 ноября 2023. Принята к публикации: 15 ноября 2023. Опубликовано: 15 декабря 2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Zonova T.V. Diplomacy. Models, forms, methods. Moscow, 2013. [In Russian]
2. Komleva V.V. The Manageability of Country Communication Regimes. Communicology. 2022; Vol. 10 (1):139-154. [In Russian] DOI: 10.21453/2311-3065-2022-101-139-154.
3. Baker K.M., Chapman G.P. The Changing Geography of Asia. London, 2002. [In English]
4. The EU and Central Asia: New Opportunities for a stronger partnership. Joint communication to the European Parliament and the Council. Available from: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf [In English]
5. Esdar W., Gorges J., Wild E. Career, competition and skills. Working hours and multiple goals of young scientists. The University: Journal for Science and Education. 2012; 21 (2):273-290. [In German]
6. Schumann A. The internationalization of German universities: developments and problems. Multilingualism and multiculturalism in studies. Ed. Knapp A., Schumann A. Frankfurt am Main, 2008:15-29. [In German]
7. Weber H. Bachelor and Master – New competition for the dual system? Future of dual vocational training – competition between educational courses. Writings on vocational training research from the Vocational Training Research Network Working Group (AG BFN). Ed. H. Dietrich, E. Severing. Bonn, 2007:97-130. [In German]

About the author

Elena A. KUZMENKO. CandSc(Hist). Docent of the Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation of the Institute of Civil Service and Management, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Author ID: 773498. <https://orcid.org/0000-0003-4144-2414>. Address: 82, building 1, Vernadsky Av., Moscow, 119571, Russian Federation, ea.kuzmenko@igsu.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: October 15, 2023. Approved after review: November 2, 2023. Accepted for publication: November 15, 2023. Published: December 15, 2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure. Social Institutions and Processes

Научная статья

Социологические науки

УДК 32.019.57

[https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-175-187](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-175-187)

Вопросы обеспечения информационно- идеологической безопасности: опыт для Узбекистана

Хайрулла Пайзуллаевич Умаров ✉

Национальный университет Узбекистана, Ташкент, Узбекистан

khayrullahu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-6050-2224>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы теоретического и практического обеспечения информационно-идеологической безопасности. Изучен опыт зарубежных стран, проанализированы нормативно-правовые документы, направленные на обеспечение информационно-идеологической безопасности различных государств. Известно, что в современных международных отношениях информационные войны, т.е. принцип «побеждать врага не сражаясь», приобретают все более весомую роль. Ведущие страны мира начали обращать внимание на информационные войны в виде идеологической борьбы с начала 60-х гг. С развитием информационных технологий, а также социальных сетей методы и способы ведения информационных войн расширились. На сегодняшний день информационные ресурсы играют не менее важную роль, чем военный компонент. Таким образом, изучение опыта и методов зарубежных стран позволяет создавать эффективные механизмы противодействия. Изучение опыта зарубежных стран и выявление основных направлений информационных атак по отношению к Узбекистану имеют большое значение.

Ключевые слова: информационно-идеологическая война, информационная безопасность, система обеспечения информационной безопасности

Для цитирования: Умаров Х.П. Вопросы обеспечения информационно-идеологической безопасности: опыт для Узбекистана // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4(10). С. 175-187, [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-175-187](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-175-187)